

БАХАРЕВ ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тюменского государственного университета
demetr79@mail.ru*

УДК 343.9

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ В ПОСЛЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Возобновление криминологических исследований в Советском Союзе в послесталинский период принято датировать началом 1960-х гг. Однако анализ архивных источников говорит о том, что научно-исследовательский отдел (НИО) ГУИТК МВД СССР значительно раньше начал осуществлять как теоретические разработки, так и полевые исследования причин преступности. Все это стало возможным во многом благодаря тому, что старшим научным сотрудником НИО (до сентября 1958 г.) был профессор Е.Г. Ширвиндт — в прошлом начальник Главного управления местами заключения (ГУМЗ) и первый директор Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИИПП) при НКВД РСФСР, фундатор советской криминологии 1920-х гг. Существенное влияние на деятельность НИО также оказывал многолетний коллега, друг и соратник Ширвиндта по ГУМЗ и ГИИПП — д.ю.н., профессор Б.С. Утевский. Тем самым деятельность сотрудников НИО в указанный период внесла неоценимый вклад в возрождение отечественной криминологической науки.

Ключевые слова: история криминологии, изучение преступности и преступника, Евсей Густавович Ширвиндт, Борис Самойлович Утевский, научно-исследовательский отдел Главного управления исправительно-трудовых учреждений Министерства внутренних дел СССР.

Как известно, в период с начала 1930-х гг. и фактически до конца 1950-х гг. изучение проблем преступности, ее причин и условий, личности преступника, а также организации деятельности по предупреждению преступности в СССР не осуществлялось. Главной причиной этого традиционно было принято считать целенаправленное воздействие сталинской диктатуры на научную сферу в целом, крайне негативно отразившееся, в первую очередь, на состоянии гуманитарных наук вообще, и криминологии в частности. Однако в последнее время появляются новые исследования по данному вопросу, авто-

ры которых скорее склоняются к той точке зрения, что закрытие или перепрофилирование научных учреждений криминологического профиля стало следствием непримиримых междоуведомственных и персонифицированных противоречий, сложившихся между ключевыми фигурами советской юридической сферы 1930-х гг.¹ Не менее дискуссионным, на наш взгляд, сегодня представляется и вопрос о том, когда и кем криминологические исследования вновь стали осуществляться в послесталинский период?

Необходимо отметить, что возвращение к изучению преступности, ее причин, личности преступника и другой криминологической проблематики не являлось частной исследовательской инициативой и носило отнюдь не стихийный характер. Руководящие указания со стороны государственного и партийного руководства о включении указанных вопросов в актуальную исследовательскую повестку появляются сразу же после XX съезда КПСС (14–15 февраля 1956 г.), не только осудившего культ личности Сталина, но и, в числе прочего, обратившего внимание на необходимость «решительного и сурового пресечения всякого проявления беззакония, произвола и нарушения социалистического правопорядка»². Однако, как верно отмечалось в статье Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, «для того, чтобы успешно осуществлять борьбу с преступностью, нужно знать, как развивается преступность не только количественно, но и качественно (по методам преступлений, характеру преступной деятельности и т. д.). Узнать же это можно только анализируя статистические материалы

¹ Погорелов М.А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918-1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2022; Трунцевский Ю.В., Беяева Л.И. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта). Москва, 2023.

² См.: Руденко Р.А. Задачи дальнейшего укрепления социалистической законности в свете решений XX съезда КПСС // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 16.

и обобщая группы дел по определенным видам преступлений»¹. Чуть позже в редакционной статье журнала «Коммунист» прямо указывалось, что «очень слабо изучаются юристами причины преступности в СССР. Необходимо предоставить в распоряжение криминалистов данные судебной статистики с тем, чтобы можно было конкретно исследовать причины преступности и наметить дальнейшие меры по ее предотвращению»². Одновременно, т. е. начиная с 1956 г., вопрос о необходимости возобновления изучения преступности и ее причин, как о первоочередной задаче, ставится на различных конференциях и совещаниях практических работников прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. И первыми, кто на практике приступил к ее решению, были именно практические работники территориальных органов и учреждений Прокуратуры и Министерства внутренних дел Союза. Однако, как тогда отмечалось в научной литературе, ведомственные указания Прокуратуры СССР и Министерства внутренних дел СССР по вопросам изучения преступности, анализа состояния преступности не отличались особой четкостью и что прокуроры областей, и начальники управлений внутренних дел не имели ясных методических указаний о порядке изучения и анализа состояния преступности и изучения отдельных категорий уголовных дел³.

Постепенно к изучению преступности в кон. 1950-х гг. начали приступать и коллективы некоторых научно-исследовательских учреждений (Всесоюзного института юридических наук, ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, НИИ милиции

¹ См.: Руденко Р.А. Задачи дальнейшего укрепления социалистической законности в свете решений XX съезда КПСС // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 21.

² См.: Укрепление социалистической законности и юридическая наука // Коммунист. 1956. № 11. С. 17.

³ См.: Яковлев М.В. О предупреждении преступности (По материалам Молотовской области) // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 45.

МВД СССР) и кафедр юридических факультетов и институтов. Однако подобные исследования также не координировались, осуществлялись без плана, без единой методики, со случайным выбором объектов изучения, которые нередко дублировались¹.

В этой связи вызывают особый интерес архивные документы, в которых отражена деятельность научно-исследовательского отдела (НИО) Главного управления исправительно-трудовых колоний (ГУИТК) МВД СССР, созданного в ноябре 1956 г. Его задачами являлись «изучение, обобщение и распространение опыта исправительно-трудовых лагерей и колоний по перевоспитанию заключенных, проведение научно-исследовательской работы и по другим вопросам исправительно-трудового права»².

В мае 1957 г. НИО получает указание министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова по изучению данных об осужденных за мелкие хищения, за разбойные нападения и о преступниках-рецидивистах. 14 июня 1957 г. в НИО был разработан план такой работы. В нем указывалось, что группа из пяти сотрудников нескольких отделов ГУИТК должна в июле 1957 г. выехать в командировку в исправительно-трудовые учреждения и изучить около двух тыс. личных дел осужденных, относящихся к указанным категориям³. 21 января 1958 г. руководством НИО направляется докладная записка на имя заместителя министра внутренних дел СССР полковника М.Н. Холодкова. В ней указывалось, что наряду с выполнением указания министра «об изу-

¹ См.: Утевский Б.С. К вопросу об организации и методике изучения преступности и преступника // Советское государство и право. 1959. № 11. С. 64.

² См.: Утевский Б.С. Вопросы теории исправительно-трудового права и практика его применения // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.). Москва, 1957. С. 29.

³ См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 13-14.

чении причин совершения преступлений и правильности назначенных мер наказания» заключенным трех указанных категорий, сотрудниками НИО в июле 1957 г. «в порядке опыта был изучен состав заключенных, содержащихся в ряде подразделений Северо-Уральского ИТЛ, для чего были разработаны специальные формы». Были обследованы (на предмет изучения социального положения и происхождения, бывшей партийности, образования, семейного положения, возраста, наличия судимостей и др.) заключенные восьми подразделений Северо-Уральского ИТЛ в количестве 14 446 чел. (79,1% от списочного состава всего лагеря). Анализ этих данных показал, что «подавляющую часть заключенных составляют лица из числа рабочей молодежи и без определенных занятий. В своем подавляющем большинстве это молодые люди, имеющие возраст от 18 до 30 лет, т. е. лица, родившиеся в 1927–1939 гг. (75,7% всех впервые осужденных и 78,3% неоднократно судимых), которые в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. были малолетними детьми или подростками, как правило, предоставленными самим себе. В силу целого ряда причин они не получили достаточной общеобразовательной подготовки и трудовых навыков (55,7% состава заключенных с низшим образованием или неграмотные; 41% заключенных имеет незаконченное среднее образование, а всего заключенных с низшим и незаконченным средним образованием, а также неграмотных — 96,7%)»¹.

Как указывалось далее, «в лагерях и колониях должна быть образцовой организация их трудового использования, профессионально-технического и общеобразовательного обучения. Между тем, «в организации этой работы в лагере имеются серьезные недостатки, особенно в трудовом использовании и обучении заключенных из числа молодежи и лиц, осужденных

¹ См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 72.

за особо опасные преступления. В силу этих и ряда других причин еще очень высока повторность преступности, особенно среди бывших заключенных из числа молодежи». Авторы записки подчеркивали, что меры наказания, назначаемые судебными органами, «чрезмерно суровы, особенно в отношении лиц из числа молодежи. Из судебных приговоров и личных бесед с заключенными усматривается, что суды при определении меры наказания довольно робко назначают наказания ниже низшего предела..., с учетом возраста и личности осужденного, а также в должной мере не используют наказания, не связанные с лишением свободы»¹.

Наконец, указывая, что при организации воспитательного процесса в лагере «недостаточно используется анализ данных о составе заключенных», в частности, при организации трудового использования и общеобразовательного и профессионально-технического обучения заключенных, особенно из числа молодежи и лиц, осужденных за особо опасные преступления, авторы записки отмечали, что «если бы организаторская работа по этим направлениям велась на основе аналитических данных о составе заключенных, ее показатели были бы значительно выше». В связи с этим, в выводах докладной записки ее авторы предлагали в перспективе «провести изучение состава всех заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях»².

Параллельно коллективом НИО изучались и теоретические аспекты других актуальных проблем преступности. Так, 12 ноября 1957 г. в адрес того же М.Н. Холодкова направляется аналитическая записка «К вопросу об изучении «бюджета» пре-

¹ См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 73.

² См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 73-74. На документе имеется рукописная пометка неустановленного должностного лица: «Зам. министра ознакомился. Просил такую работу продолжить». Дата и подпись неразборчивы. Там же. Л. 52.

ступности в СССР». В ней указывалось, что «для разработки наиболее эффективных мероприятий, направленных на борьбу с преступностью, необходимо всестороннее ее изучение. Однако такое изучение в настоящее время у нас не проводится. Научно-исследовательский отдел ГУИТК МВД СССР не имеет ни материалов о динамике преступности, ни о ее качественном и количественном проявлении, т. к. эти материалы никто не систематизировал. Не изучается преступность и с точки зрения определения ущерба, ею причиняемого народному хозяйству страны, то есть ее «бюджет». К расходной части «бюджета» они отнесли:

1. Суммы, расходуемые непосредственно на содержание органов, ведущих борьбу с преступностью.
2. Суммы ущерба, наносимого преступностью государству, колхозам и общественным организациям.
3. Суммы ущерба, наносимого преступностью населению.
4. Потеря человеческих жизней и здоровья.
5. Потеря рабочего времени свидетелями.
6. Содержание подсудимых и заключенных¹.

Что же касается практической важности подсчета «бюджета» преступности, то, по мнению сотрудников НИО, определив «расходную» часть данного показателя, «можно будет легко подсчитать, во что обходится государству годовое содержание одного заключенного в исправительно-трудовом учреждении,

¹ Авторы записки подробно разобрали каждую «статью расходов», указывая на материалы министерств и ведомств, с опорой на которые можно произвести их подсчет (См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 57-59), отметив, однако, что «технические возможности подсчета большинства статей «бюджета» преступности, безусловно, сложны и ограничены» и что, возможно, «определить полностью «бюджет» преступности в настоящее время не удастся». Тем не менее, такой подсчет, как утверждали авторы записки, «безусловно можно произвести в 1958 году при условии, что все органы, ведущие борьбу с преступностью, включатся в эту работу, увеличив свои отчетные ведомости всего лишь на одну-две графы». Там же. Л. 59.

тюрьме и детской трудовой колонии». И в результате может выясниться, что «заключение на длительные сроки в исправительно-трудовые учреждения для государства экономически невыгодно». Следовательно, возможно более целесообразны «единовременные затраты на постройку определенного количества современных мест заключения, способных обеспечить изоляцию и ночное разъединение заключенных, что послужит условием более успешного перевоспитания опасных преступников. В результате этого станет возможным помещать их туда на сравнительно меньшие сроки, т. к. усилит эффективность воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы». Суды же, как указывалось в записке, «зная годовую стоимость содержания одного заключенного, при назначении срока осуждения должны будут считаться и с экономическими соображениями»¹.

В резюмирующей части документа его авторы писали, что «изучение «бюджета» преступности столь же важно, как и изучение преступности с иных точек зрения», и что оно окажет «несомненную большую помощь как практическим, так и теоретическим работникам Министерства внутренних дел и других ведомств, работающих в области борьбы с преступностью»².

¹ Авторы записки подробно разобрали каждую «статью расходов», указывая на материалы министерств и ведомств, с опорой на которые можно произвести их подсчет (См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 57-59), отметив, однако, что «технические возможности подсчета большинства статей «бюджета» преступности, безусловно, сложны и ограничены» и что, возможно, «определить полностью «бюджет» преступности в настоящее время не удастся». Тем не менее, такой подсчет, как утверждали авторы записки, «безусловно можно произвести в 1958 году при условии, что все органы, ведущие борьбу с преступностью, включатся в эту работу, увеличив свои отчетные ведомости всего лишь на одну-две графы». Там же. Л. 59-60.

² См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 60.

Помимо всего этого, осенью 1957 г. сотрудники НИО приступают к разработке проекта решения о создании при МВД СССР Государственного института по борьбе с преступностью. 5 октября 1957 г. этот вопрос рассматривается на коллегии Министерства внутренних дел СССР (п. 5 протокола № 15). Далее коллективом НИО был подготовлен соответствующий проект докладной записки в ЦК КПСС, который предварительно был направлен для обсуждения заинтересованным министерствам и ведомствам. Руководство большинства из них (Верховные суды СССР и РСФСР, Министерство юстиции РСФСР, Главное управление милиции (ГУМ), отдел детских колоний и тюремный отдел МВД СССР) однозначно либо с определенными оговорками поддержало вышеозначенный проект, а против высказалась лишь Прокуратура Союза¹.

Тем не менее, несмотря на отсутствие единогласной поддержки своей инициативы, весной 1958 г. руководство МВД вновь возвращается к рассмотрению вопроса о создании института криминологического профиля. В архивах сохранился проект Положения о научно-исследовательском институте МВД СССР по борьбе с преступностью², а 3 июня 1958 г. вопрос «О создании научно-исследовательского института по изучению преступности и мер борьбы с ней» (докладчик — министр внутренних дел Н.П. Дудоров) был рассмотрен на заседании коллегии Министерства внутренних дел СССР (п. 2 протокола № 8), где было решено «с учетом обмена мнениями подготовить письмо в ЦК КПСС по данному вопросу»³.

Однако этим масштабным (если не сказать больше, амбициозным) замыслам руководства МВД, как известно, так и не суждено было сбыться: первый Всесоюзный институт по изу-

¹ См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Л. 39-41, 44-46, 48-51.

² Там же. Л. 171-174.

³ Там же. Л. 170.

чению причин и разработке мер предупреждения преступности начнет свою работу 30 мая 1963 г., но уже под эгидой Прокуратуры СССР¹. А в январе 1960 г. было упразднено и само союзное министерство внутренних дел с передачей его функций МВД союзных республик, а также другим министерствам и ведомствам СССР.

Деятельность коллектива НИО в области исследования криминологической проблематики высоко оценивалась их коллегами из других научно-исследовательских учреждений. Об этом, в частности, свидетельствуют, направленные в адрес руководства НИО и ГУИТК МВД СССР следующие запросы от руководства Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) и сектора уголовного права ВИЮН: «Группа сотрудников сектора уголовного права Всесоюзного института юридических наук в порядке выполнения планового задания работает над изучением преступности среди молодежи. Известно, что изучением преступности и ее причин в настоящее время занимаются и другие научно-исследовательские учреждения, кафедры учебных заведений и практические учреждения. Во избежание излишнего параллелизма, а также для разработки наиболее эффективной методики и обмена опытом представляется целесообразным уже теперь координировать работу по рассмотрению соответствующих запросов. Было бы весьма желательным, если бы Вы высказали Ваше мнение на этот счет»². Отвечая на них, руководство ГУИТК сообщало, что считает «целесообразным созвать специальное совещание по этим вопросам с целью выработки наиболее эффективной методики, обмена опытом и координации работы в этой области. Считаем полезным, чтобы в таком совещании приняли участие как

¹ Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф. К 20-летию Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 38. Москва, 1983. С. 3.

² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Там же. Л. 253-254.

представители научно-исследовательских учреждений, так и заинтересованных министерств и ведомств. О созыве такого совещания можно было бы просить Институт права Академии наук СССР»¹.

Как видим, из приведенных выше фактов и обстоятельств, имеющих документальную основу, складывается следующая картина: молодое (по любым меркам) немногочисленное подразделение, организованное, к тому же, в непрофильном (т. е., не научно-исследовательском) учреждении, менее чем за два года: а) осуществляет масштабное полевое исследование личности преступника и причинного комплекса преступности; б) разрабатывает актуальные криминологические проблемы теоретического уровня (в частности, «бюджета» преступности); в) занимается проектом создания при МВД СССР научно-исследовательского института по изучению преступности и мер борьбы с ней; г) участвует в координации планов криминологических разработок научных учреждений различных министерств и ведомств, одновременно активно пропагандируя важность их осуществления на научно-практических мероприятиях. Возможным все это стало, на наш взгляд, во многом благодаря тому, что старшим научным сотрудником НИО (до сентября 1958 г.) был профессор Е.Г. Ширвиндт — в прошлом начальник Главного управления местами заключения (ГУМЗ) и первый директор Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИИПП) при НКВД РСФСР, фундатор советской криминологии 1920-х гг. Также, по всей видимости, существенное влияние на деятельность НИО оказывал многолетний коллега, друг и соратник Ширвиндта по ГУМЗ и ГИИПП — д. ю. н., профессор Б.С. Утевский, старший сын которого, Ю.Б. Утевский, являлся научным сотрудником этого отдела и принимал активное участие в обследовании контин-

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784. Там же. Л. 256.

гента заключенных Уральского ИТЛ летом 1957 г. Именно Б.С. Утевский еще в 1920-х гг. занимался изучением вопроса о «бюджете» преступности¹ и, судя по всему, передал некоторые свои наработки сыну для дальнейшего, более углубленного и детального рассмотрения этой проблемы.

Таким образом, возобновление криминологических исследований в Советском Союзе в послесталинский период следует отнести к 1957 г. При этом воссоздавалась советская криминология во многом теми же людьми (или, как минимум, при их активном участии), которые способствовали ее становлению и институционализации еще в 1920-х гг. Это обстоятельство в очередной раз дает повод задуматься о роли личности в истории, которая у Е.Г. Ширвиндта, Б.С. Утевского и других их коллег и единомышленников применительно к истории советской криминологической науки оказалась и значимой, и положительной. Другие подтверждения этому, надеемся, в дальнейшем обнаружат и последующие исследователи истории отечественной криминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробейников Б.В. К 20-летию Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности / Б.В. Коробейников, Н.А. Селиванов, К.Ф. Скворцов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 38. — Москва: Юридическая литература, 1983. — С. 3–11.
2. Погорелов М.А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук / М.А. Погорелов. — Москва: Высшая школа экономики, 2022. — 441 с.
3. Руденко Р.А. Задачи дальнейшего укрепления социалистической законности в свете решений XX съезда КПСС / Р.А. Руденко // Советское государство и право. — 1956. — № 3. — С. 15–25.

¹ См.: Утевский Б.С. Бюджет преступности // Административный вестник. 1928. № 8. С. 3–6.

4. Трунцевский Ю.В. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта): монография / Ю.В. Трунцевский, Л.И. Беляева; предисл. Т.Я. Хабриевой. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. — 240 с.
5. Утевский Б.С. Бюджет преступности / Б.С. Утевский // Административный вестник. — 1928. — № 8. — С. 3–6.
6. Утевский Б.С. Вопросы теории исправительно-трудового права и практика его применения / Б.С. Утевский // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.) / гл. ред. С.С. Студеникин. — Москва: Издательство ВШ МВД СССР, 1957. — С. 28–61.
7. Утевский Б.С. К вопросу об организации и методике изучения преступности и преступника / Б.С. Утевский // Советское государство и право. — 1959. — № 11. — С. 59–68.
8. Яковлев М.В. О предупреждении преступности (По материалам Молотовской области) / Яковлев М.В. // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 45–52.